

11-106

W $\frac{106}{72}$

РЪЧЬ

0

КРИТИКЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА

Марта 25 дня 1842 года.

ЭКСТРАОДИН. ПРОФЕСС. ДОКТОРОМЪ ФИЛОСОФІИ

А. Пикитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

РѢЧЬ О КРИТИКѢ.

Милостивые Государи!

Удостоивая постоянно благосклоннаго участія скромное наше торжество во имя науки, вы конечно вправе требовать отъ насъ не только обнаруженія нашихъ ученыхъ убежденій, результатовъ обычнаго, долгомъ возложеннаго на насъ служенія истинѣ, но и сочувствія къ тѣмъ вопросамъ науки и словесности, которые предлагаетъ сама жизнь всѣмъ намъ совокупно, какъ членамъ живаго организма — общества. Университетъ не можетъ быть чуждъ ни одного изъ возвышенныхъ интересовъ и движеній общественныхъ: ибо ему

внутри развивать и направлять силы поколѣнія, призваннаго подвизаться для нихъ. Самое могущественное и самое положительное участие науки въ событіяхъ міра совершается, безъ сомнѣнія, тамъ, гдѣ предстоятъ ей отъерстыя, свѣжіе умы и откуда несутъ они ея сокровища прямо въ данъ исторіи и великимъ судьбамъ народа. Здѣсь-то слагается тотъ прекрасный союзъ вѣчныхъ всеобщихъ истинъ съ живыми силами вещей, который одинъ дѣлаетъ событіями, а въ другія вноситъ связь началъ, смыслъ и законность.

Вотъ почему, Мм. Гг., я считаю приличнымъ въ настоящей моей бесѣдѣ обратить просвѣщенное вниманіе ваше на нѣкоторыя основныя понятія литературной критики: понятія эти, какъ вамъ извѣстно, составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ современныхъ задачъ въ области искусства. Не беру на себя смѣлости рѣшить ее удовлетворительно; но крайней мѣрѣ надѣюсь, что вы не сочтете неумѣстнымъ моего желанія разсуждать предъ вами о предметѣ, столь общезанимательномъ.

Что такое критика въ общемъ или обширнѣйшемъ смыслѣ? Судъ разума надъ творчествомъ.

Но какъ же разумъ осмѣливается присвоить себѣ право суда и приговора надъ августѣйшею, первоначальною властію міра, свершительницею жизни и судьей ея? Что значать блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событий? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?... И какъ заглянуть въ нѣдра волкана, или въ лице солнцу, чтобы спросить у нихъ: «зачѣмъ эти непріязненные тревоги вѣществъ, обуздываемыхъ закономъ тяготѣнія, зачѣмъ это сіяніе?» или сказать имъ: «вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе.» Суетны слова тамъ, гдѣ нѣтъ имъ другаго отзыва, кромѣ жизни или смерти.

И точно, есть творчество неподвластное суду и приговору разума человѣческаго: это творчество природы. У нея нѣтъ разпорѣщающаго смысла въ требованіи и рѣшеніи, нѣтъ ни теорій, ни идеаловъ недостижимыхъ; что есть, то и должно быть, и должно быть такъ, какъ есть. Каждая степень развитія, каждый моментъ въ явленіяхъ природы содержитъ въ себѣ безъ недостатка *все свое*, все имъ подобающее; ничѣмъ другимъ и ничѣмъ большимъ они уже не могутъ быть. Цветокъ раскинулся во всемъ блескѣ роскошной красоты, или

неожиданно поникъ юношескимъ вѣнцемъ своимъ предъ хладнымъ дыханіемъ съвера—законъ природы одинаково и окончательно выполненъ, тамъ въ законномъ развитіи отдѣльнаго организма, здѣсь въ законныхъ послѣдствіяхъ преобладающей силы—и нѣтъ другаго приговора событію, какъ: «оно свершилось».

Иное видимъ въ искусствѣ. Творчество человеческое есть только непрерывно повторяемое покушеніе осуществить безконечную идею изящества—идею полноты и совершенства жизни. Эта идея есть задача, а искусство рѣшеніе. Но между ними неизмѣримое разстояніе, захваченное волнами кипящихъ, борющихся силъ—и эти силы, занятая одними собою, губя другъ друга, спасаясь, восходя и падая, ничего не хотѣтъ знать о цѣли лучшихъ и жаркихъ нашихъ вѣрованій; онѣ всостоянія сокрушить, или отбросить въ сторону самое отважное и великодушное усиліе. Этого недобольно. Сама идея предательски измѣняетъ искусству. Одолѣвъ мужественно препятствія, противопоставленныя вамъ враждебною дѣятельностію вещей, вы думаете наконецъ: «вотъ она — драгоценное перло жизни, небесная обаятельница, полная любви, восторга и славы; я обниму ее мо-

имъ геніемъ, дамъ ей образъ, любезный сердцу человеческому и имя, вложу слово въ ея уста, перенесу ея къ людямъ ослзательную, животрепещущую въ эфирной ея плоти, и когда они, облитые свѣтлымъ изумленіемъ и восторгомъ, скажутъ: «это бессмертная» — я скажу съ гордостію: «вмѣстѣ со мною, потому что она моя!» Но, увы! гдѣ же она — эта измѣнница — идея? Отъ одного взмаха рѣза или кисти, отъ дыханія земныхъ вашихъ устъ она разлилась около васъ розовымъ сіяніемъ и улетѣла въ свою обитель — въ область безконечнаго, оставивъ вамъ для тщетнаго воспоминанія двѣ-три черты своего недовершеннаго лика. — Таково жребіе непонятнаго созданія, ко-сму для желанія, даны вселенная и вѣчность, а для обладанія на земли — горсть существенности и нѣсколько страницъ исторіи, которыя будутъ написаны его же кровію пополамъ со слезами и засыпаны пылью его костей. Дѣло человеческое въ непрестанной распрѣ съ понятіемъ, частностъ съ обнимъ началомъ, воля съ долгомъ. Въ насто-ящемъ мы вѣчные подсудимые, вѣчные должники будущаго: «это сдѣлано, а сколько, еще надобно сдѣлать!» — Мысль наша сильнѣе насъ самихъ — и здѣсь-то наше несчастіе, потому что и наша

заслуга, и слава и добро — въ мысли, а ей, ничего невѣдающей о нашей слабости, трудно удивотворить!

И вотъ, не смотря на то, что заслуги творчества неизвѣримо превышаютъ цѣною своею холодный эгоизмъ понятій, оно не можетъ избѣгать ихъ власти. Пусть еще творчество не слушаетъ ихъ; когда они незванцы являютъ къ нему для совета, хотя и эта мысль больше увлеченіе въка, чѣмъ истина; пусть оно принимаетъ и уроки тамъ, гдѣ чернаетъ вдохновеніе — въ лонѣ самой жизни; но оно не можетъ воспретить имъ повѣрять себя. Эти сухіе, непривлекательные, официальные надсмотрщики человечества, какъ служители бюстительной администрации, имѣють доступъ всюду; они перешитають и перепишуть, если надобно, роскошную мебель въ домъ богача точно также, какъ и убогія утвари на чердакѣ какого-нибудь жалкаго «любимца музъ». Не лучше ли сдѣлать творчество, когда заранѣе облизитесь съ ними, задобривъ ихъ — чѣмъ? разумѣется, стараніемъ избѣгнуть всего того, что можетъ возбудить ихъ взыскательность.

Есть три источника, изъ коихъ чернаются всевозможныя понятія объ искусствѣ: личное убѣжде-

ніе каждаго или тѣхъ, кои считаютъ себя знатоками и судьями въ области искусства; разсматриваніе произведеній со стороны дѣйствующихъ въ немъ силъ — генія художника, въка, духа народа — и наконецъ всеобщія идеи красоты. Вотъ и три основанія критики, которую въ одномъ случаѣ можно назвать *личною*, въ другомъ *аналитическою*, а въ третьемъ *философскою* или по преимуществу *художественною*.

Всякому дана извѣстная мѣра чувства прекраснаго и у всякаго оно образуется подъ вліяніемъ особенныхъ отношеній и обстоятельствъ жизни. Никто не вправе повелѣть другому сознавать впечатлѣнія изящныхъ предметовъ иначе, нежели онъ ихъ сознаетъ, не вправе запрещать ему имѣть свой вкусъ. Но наслаждаться прекраснымъ въ собственномъ чувствѣ не значить судить о немъ. Правда, для многихъ счастье состоитъ въ отсутствіи мысли: призвать ее въ бюстители ихъ восторга, значило бы угрожать ему казнью и посрамленіемъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Для нихъ нѣтъ разницы въ причинахъ наслажденій; фактъ ручается за право; что дѣйствуетъ, то и хорошо, что дѣйствуетъ сильнѣе, то лучше. Но грубый вкусъ черни не есть мѣрило достоинства въ тѣхъ вещахъ, съ ко-

ими сопряжены всеобщие интересы человечества. Между предметами наших удовольствий одни стремятся на нас нашествием, но варварски и овладевают чувством по праву сильного, не поддерживая своей власти законностью и добром; другие несут с собою в наше сердце идеи человечественныя, воодушевление на все благородное, порядок, пересозидают его для лучшей будущности — это власть самого разума над существами разумными, святое иго, которое дѣлаетъ честь и тому, кто его налагает, и тѣмъ, кои съ благоговѣніемъ его принимаютъ. О достоинствѣ вещей не должны бы, кажется, судить рабы ихъ, люди подавляемые натискомъ насылаемыхъ на нихъ впечатлѣній, неспособные отделить справедливаго отъ пріятнаго; однакожъ судить всѣ, именно, люди, не имѣющіе на то другаго права, кромѣ необходимости судить. И таковы странныя притязанія эгоизма человѣческаго, что чувство собственнаго, личнаго удовольствія, или неудовольствія они тотчасъ готовы превратить въ основаніе приговора о достоинствѣ вещей. Если бѣ дѣло только о томъ, чтобы сказать: «это нравится мнѣ, это хорошо для меня» — тутъ не было бы ничего нехлаго: всякій вправе сдѣлать себѣ мнѣ-

ніе, какое онъ хочетъ, или можетъ, какъ платье, и примѣривать его къ своему уму и сердцу, ни съ чѣмъ не справляясь, кромѣ ихъ роста и своихъ удобствъ. Но самолюбіе людей также жаждо, какъ корысть. Всякой изъ нихъ увѣренъ, что ему, какъ члену общества, принадлежитъ право голоса въ томъ, что касается нравственнаго хода вещей: нѣтъ нужды, что общество снисходительно увольняетъ его отъ подачи этого голоса — онъ не хочетъ лишиться своего безполезнаго права, даже подъ опасеніемъ сказать величайшую нехлѣбность. Такъ-то возникаетъ мало по малу личная критика, плодъ снѣныхъ, случайныхъ впечатлѣній и самолюбія. И не думайте, Мм. Гг., что она вполнѣ развертывается свой характеръ только въ частномъ обмѣнѣ понятій, что, выходя изъ-подъ пера писателей, она измѣняетъ свое направленіе, стремится приобрести убѣжденія разума и возвыситься до чувства изящнаго и справедливаго — нѣтъ! печатъ ея низкаго происхожденія ярко выказывается сквозь всѣ такъ называемыя литературныя приличія, сквозь пышныя фразы и высокія воззрѣнія. Съ той минуты, какъ она всенародно провозгласитъ свое какое-то право быть судьею умственныхъ произведеній, она перестаетъ уже быть

выраженіем дѣтскихъ толковъ и увлеченій толпы: она становится ремесломъ суровымъ, настойчивымъ, созидаетъ себѣ обширную систему, гдѣ всевозможные роды и виды своеобразія приведены къ одному началу: «я и мое» или: «мы и наше.» Но какъ! не ужели для такой критики есть мѣсто въ литературѣ и сочувствіе въ обществѣ? Не ужели эта юродивая дщерь слѣпой прихоти и эгоизма осмѣливается, сама собою, безъ полномочія науки, безъ доказаннаго призванія, безъ искры любви къ святому дѣлу совершенствованія человеческого—не ужели осмѣливается она присвоить себѣ священныя атрибуты судьи въ искусствѣ, назваться критикою, выдти изъ дымаго логовища умовъ невѣжественныхъ и празднословныхъ на свѣтъ и неизбежно произносить свои незаконныя приговоры, раздавать поддельныя лавры, поражать карами? Чтожь дѣлаетъ общественное мнѣніе? Однимъ ударомъ своего побѣдоноснаго презрѣнія оно' могло бы стереть съ лица литературы эту лжекритику, хищницу чуждаго достоинства, принадлежащаго уму, знанію и таланту. Но общественное мнѣніе въ дѣлѣ искусства у насъ еще такъ юно, и поэтому скромно и застычиво. Шаткое въ основ-

ныхъ понятіяхъ искусства, которыхъ не успѣло еще усвоить себѣ, оно робко склоняется предъ всякимъ смѣлымъ натискомъ высокомерія и самоуверенности; рѣшительный тонъ въ глазахъ его есть сильнѣйшее логическое доказательство истины, а насмѣшка признакъ генія, который до того великъ, что для него нѣтъ ничего великаго. Удивительно ли, что личная критика вовсе не занимается искусствомъ и поражаетъ один личности? Здѣсь судьи не подлежатъ никакой ответственности: ибо кто будетъ пересуживать ихъ сужденія? Пусть говорятъ смѣло все, что хотятъ: имъ повѣрять, потому что для техъ, у кого нѣтъ никакого убѣжденія, все равно принять его изъ однихъ устъ, или изъ другихъ. Какой соблазнъ! Какъ широко отворяются въ литературу двери всѣмъ мелкимъ страстямъ, которыя невозможностию развитія осуждены были бы развѣ только шевелить илѣ на самомъ днѣ общества, а теперь дорогою печати выходятъ изъ своихъ кромѣщныхъ убѣжищъ, всплазуютъ, какъ черви, на самыя вершины юнаго, только что разцвѣтающаго искусства и истощаютъ его жизненныя соки. У всякаго безъ сомнѣнія есть враги, друзья, покровители; гдѣ, какъ не въ критикѣ, удобившіи слу-

чай заклеить врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ возмезднымъ для ненависти, потому что онъ падаетъ на вѣжливѣйшую часть человеческого самолюбія — на умственную славу, друзьямъ оказать услугу, не требующую никакихъ жертвъ, потому что она вся состоитъ изъ словъ, и покровителямъ принести дань глубокой лести, не касаясь ногою даже порога ихъ прихожей? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы, подъ видомъ литературы, говорить о своихъ нуждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьяхъ и недругахъ, о всемъ, что несоставляетъ литературы. Къ чему жъ ей и стремиться? къ приобретенію уваженія публики? Но публика столь снисходительна, что не только не требуетъ уваженія, а готова даже простить неуваженіе къ себѣ. Къ великимъ цѣлямъ искусства? Но тогда не была бы она личною, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала бы дѣйствовать въ духе разума — и погибла бы. Известно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: маленькіе эгоизмы тонуть, какъ пылинки, въ широтъ его безмѣрнаго горизонта.

Но не ужели личная критика не имѣетъ никакихъ литературныхъ мнѣній, а говорить только по шаткому и невѣрному движенію чувства, изволнованнаго страстями, направленнаго частными отношеніями? Да, она имѣетъ свои мнѣнія. Этого требуетъ приличіе, требуетъ благоразуміе, которое знаетъ, что выгоды вѣрше тогда, когда средства ихъ освящены идеей. Но какія эти мнѣнія? проистекаютъ ли они изъ началъ? О, для послѣднихъ мы готовы были бы простить имъ самыя ошибки, потому что судъ, основанный на началахъ, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ разуму — и рано или поздно свѣтъ и нантіе его проникнуть туда, гдѣ люди молятъ его о своихъ нуждахъ — но его завѣту! Мнѣнія ея можно раздѣлить на два главные разряда: одни вынимаются безъ всякаго труда изъ готового запаса чужихъ идей, и въ случаѣ надобности, какъ крупныя монеты, размѣниваются на мелкія, частныя примѣненія; другія плодъ такъ называемаго самобитнаго воззрѣнія на вещи. Не надобно однако обольщаться громкимъ словомъ: самобитность эта не иное что, какъ смѣнное усиліе избѣжать спасительнаго вліянія признанныхъ, руководящихъ авторитетовъ, до коихъ она, въ своей немощи, не

можетъ возвыситься и думаетъ мстить имъ, закрывая глаза при ихъ лучезарномъ сіяніи. Или, въ притворномъ глубокомыслии и учености, она съ преступною неблагодарностію оскверняетъ ихъ чистую прекрасную славу, порицая вселерчиво и вапыщенно ихъ заслуги, которыми сама украдкою живетъ и питается. И это литературныя мнвія! и ими-то личная критика властвуетъ надъ умами! Не имѣющія критязанія на самобытность не посягаютъ, по крайней мѣрѣ, на разторженіе союза нашего съ древнимъ и всемірнымъ царствомъ науки и искусства; но другія оторвали бы насъ, еслибъ могли, отъ общихъ успѣховъ человѣческаго разума, заключили бы насъ въ предѣлы ихъ собственной тѣсноты, заставили бы насъ питаться пищею тяжелою и чорствою отъ ихъ убогой трапезы. Литературныя мнвія личной критики случайны, шатки и измѣнчивы, потому что они родились не отъ правыхъ основаній и возвышенныхъ цѣлей; между ними нѣтъ родственнаго союза, доказывающаго, что они дѣти всевязующаго ума; въ непрерывной борьбѣ противорѣчій они готовы ежемгнунто изтерзать и низложить другъ друга; разрозненныя, легкія отъ своей пустоты, а не отъ избытка жизни, они блуждаютъ безъ направитель-

ной идеи посреди ежедневныхъ сплетней житейскихъ; оскверненныя ихъ грязью, они оскорбляютъ святыню искусства, имя коего призываютъ все для прикрытія своей тщеты. Они немощны и неспособны творить въ душѣ благое дѣло мыслительное, потому что лишены любви и убѣжденія, непріязненны и поплзновенны на всякую хулу, всегда готовые изъ мврныхъ двигателей умственныхъ превратиться въ бойцовъ, изъ понятій сдѣлаться бичами, и вмѣсто того, чтобы стремиться достигнуть высокаго сана правды, они всегда остаются на низкой степени личныхъ, мелкихъ замѣтокъ. И рѣчь, въ коей они высказываются, такъ же косна, смутна и хитросплетенна; ея краски не живой и естественной румянецъ мысли, выступающей наружу отъ избытка ея силы и здоровья, а искусственное прикрашиванье, составляемое обыкновенно старою лицемѣрною риторикою для мыслей хвалыхъ и неспособныхъ правиться. Заносчивая, когда выражаетъ рѣшеніе, неудобопостижима въ излучистыхъ своихъ изгибахъ, когда умствуетъ, неграціозна и дикая когда смѣется, упругая и холодная когда силится убѣждать, она въ тоже время часто не уважаетъ правъ языка, и осуждал своихъ сестеръ въ литературѣ, не

заботится служить имъ примѣромъ правильности и изыскаго вкуса.

Надобно согласиться, Мм. Гг., что такая критика дѣлаетъ много зла искусству и обществу. Для перваго она должна бы служить опорой, мудрымъ совѣтникомъ и охранителемъ его правъ отъ посягательства невѣжества и неуваженія толпы, посредникомъ между нимъ и обществомъ—и она ничего этого не дѣлаетъ. Это конечно зло, потому что съ неисполненіемъ часто сопрягается вреда больше, чѣмъ съ дѣланіемъ. Кроме того, она вредитъ искусству положительно, хотя и посредственно, пагубнымъ своимъ вліяніемъ на общество, которое совращаетъ съ прямиаго пути къ художественному образованію и препатствуетъ развитію въ немъ истиннаго чистаго вкуса. Хотя историческій фатализмъ и думаетъ, что въ человечествѣ все содержится посредствомъ необходимыхъ жизненныхъ процессовъ, независимо отъ разумнаго содѣйствія человеческихъ волей, однакожъ нехудо, если въ предпріятіяхъ нашихъ мы будемъ имѣть больше довѣрія къ началамъ и убѣжденіямъ разумнымъ и справедливымъ, чѣмъ къ пособіямъ случая, или безмысленному увлеченію страстей, которое также многими очень охотно принимается

за неизбежное слѣдствіе случая или обстоятельствъ. Искусство пріемлетъ силу отъ природы; гений, помазанникъ ея, по вдохновенію таинственному и зыждительному, возводитъ его на высшую степень совершенства—это не подлежитъ сомнѣнію; но вѣрно также и то, что искусству удобнѣе и развиваться и дѣйствовать въ кругу здравыхъ, чистыхъ понятій, чѣмъ въ хаосѣ этихъ мелкихъ страстей и противорѣчій, какими окружаетъ его личная критика. Съ другой стороны, общество еще юное, имѣвшее несчастье подпасть игу этой лжекритики, и принужденное раздѣлять ея своекорыстные виды и жалкія мнѣнія, остается недолго безъ тѣхъ высшихъ убѣжденій и воодушевленій, которыя одни въ состояніи сроднить его съ искусствомъ и быть залогомъ его благотворныхъ послѣдствій. Между искусствомъ и обществомъ возникаетъ взаимная холодность; одно гордое, потому что богато верховными преимуществами ума и дарованія, не хочетъ унизиться до постыднаго угоднячества необразованному вкусу людей, ищущихъ въ немъ только развлеченія и забавы; другое, находя за мѣну его въ посредственности или лжеискусствѣ, покровительствуемыхъ личною критикою, оставляетъ безъ вниманія его законныя требованія и

смотреть на него, какъ на нечто слишкомъ идеальное. Такимъ образомъ общество лишается возможности воздѣлывать одну изъ драгоценнѣйшихъ способностей человѣческихъ — чувство прекраснаго, безъ развитія и образованія коего цѣтъ и не можетъ быть на земли ни прямой доблести, ни живой плодоносящей истины.

Не такова, Мм. Гг., истинная критика, органъ блистательнаго разума, приводящаго въ гармонію человеческое свободное творчество со всеобщимъ и необходимымъ порядкомъ вещей, представительница вѣчныхъ законовъ искусства, мысль, произносящая судъ торжественный и всенародный надъ дѣломъ; предвозвѣстница приговора потомства, драгоценная награда дарованія, кара нелицеприятная бездарности, стражъ народнаго вкуса. Принявъ на себя характеръ аналитическій, она изслѣдуетъ стихіи; изъ коихъ слагается красота въ готовыхъ произведеніяхъ таланта и условія ея развитія. Она разсматриваетъ писателя со стороны его гениа, направленія, взгляда на вещи; рисуетъ картину общества, отношеніе къ нему писателя, степень принимаемаго имъ участія въ движеніяхъ современной мысли и жизни. Обращаясь къ самому произведенію, аналитическая критика разсматри-

ваетъ его содержаніе, разлагаетъ образы на ихъ элементы, обнажаетъ пружины, коими авторъ дѣйствуетъ для достиженія своей цѣли и изясняетъ, какъ зрѣла, чѣмъ питалась основная, заветная мысль его созданія, что принадлежитъ въ ней его свободному художническому возрѣнію на вещи, и что принадлежитъ набѣгу случайныхъ обстоятельствъ, волновавшихъ его душу. Мудрая аналитическая критика знаетъ, какія изъ этихъ повлгій могутъ осуществиться только въ разсматриваніи произведеній, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи, и какія должно прилагать къ искусству современному. Здѣсь вы читаете, такъ скажутъ, отчетъ самой природы о томъ, какъ она поступаетъ въ важнѣйшей части своей экономіи — въ творствѣ умышленномъ. Ничто не можетъ сравниться съ занимательностію подобныхъ изысканій. Вы вводитесь въ святилище глубочайшихъ тайнъ человеческой природы; вы присутствуете при самомъ рожденіи гениальной мысли; встрѣчаете ее потомъ на рубежѣ при переходѣ изъ идеальнаго міра въ дѣйствительный; предъ вами движутся все силы, образующія взятное созданіе — и талантъ писателя, и духъ времени, и духъ общества; въ вашихъ глазахъ слагаются стихіи его въ этотъ уди-

вительный нравственный организм, коему суждено вмещать въ себя чистѣйшую жизнь — жизнь красоты, слѣд., истины и добра.

Аналитическая критика однако жъ не удовлетворять еще цѣли искусства. Мы знаемъ, какъ образовалось твореніе, но не знаемъ, что такое самое твореніе. «Вы, возразитъ мнѣ, видите его предъ собою раскрытымъ со-всѣхъ-сторонъ, объясненнымъ — чего жъ больше?» — Такъ! Но у каждаго изящнаго произведенія, кромѣ отношеній къ художнику, эпохѣ, народу и проч., есть еще одно отношеніе, очень важное — это отношеніе къ идеѣ красоты. Вѣдь оно для нея и существуетъ; всѣ творческія операціи, которыя аналитическою критикою такъ хорошо намъ раскрыты, именно для нея и предприняты. Прекрасно ли и почему прекрасно то, что произвело искусство? Этихъ вопросовъ она не рѣшаетъ.

Всѣ начинанія человѣческаго творчества подлежатъ двумъ законамъ: закону частныхъ соотношеній съ вещами и закону идей. То, чему назначено занять мѣсто между первыми, войти въ дружественный союзъ съ ними, участвовать въ ихъ исторіи, то должно и дѣйствовать въ духѣ ихъ судьбы и потребностей. Но высокое дѣло ра-

зума и доли не было бы разумнымъ и свободнымъ, если бы оно не соединялось также тѣсными узами съ тѣмъ, что выше вещей, съ основными ихъ началомъ, съ родовой своей идеей. И отъ кого же, какъ не отъ нея дѣло получаетъ опредѣленный характеръ, неагладную фizioномію? Одно становится заслугою въ наукѣ, потому что его направляетъ идея истины, другое приобретаетъ значеніе въ искусствѣ, потому что его оживотворила идея красоты. Критика, руководимая идеей истины по пути анализа, возвышается наконецъ къ идеѣ изящнаго и становится вполне художественною. При свѣтѣ ея разбираемое твореніе, безъ всякаго вліянія лицъ, безъ ухищреній, само собою займетъ приличное ему мѣсто въ литературѣ, и если оно падетъ на пути къ славы, то падетъ не отъ оскорбленій, а отъ истины, которая посвѣтила ему въ лице и показала на немъ людямъ клеймо бездарности. Между тѣмъ съ произведеніемъ истиннаго таланта вы имѣете всѣ способы соединиться тѣснѣйшими узами: оно изслѣдовано глубоко и вѣрно со-всѣхъ-сторонъ; вотъ и изящная его сторона, вотъ нежные, тонкіе едва уловимые, но можетъ быть и самые занимательные изгибы красоты, // коимъ писатель // красавъ

1874
Fobzcanok

свою идею—они могли отъ вась ускользнуть; зоркое око критики ихъ различаетъ и дѣлаетъ вамъ доступными; наслаждайтесь тѣмъ, чего собственный вашъ взглядъ не успѣлъ уловить, и будьте благодарны руководству, дополняющему ваше упущеніе. Критика наперсница искусства, посвященная въ глубочайшія его тайны; въ то же время она органъ общества, коимъ оно принимаетъ прекрасные дары искусства и несетъ ихъ къ своему сердцу. Высоко и дослославно ея назначеніе! Двѣ могущественнѣйшія силы — искусство и духъ общественный, опираются на ея мудрость и правоту: одно въбряетъ ей драгоцѣннѣйшее свое достояніе — славу, другой честь и достоинство своихъ чувствованій.

Но въ каждомъ произведеніи искусства есть недостатки: что дѣлаетъ съ ними критика? Вотъ ея правило: знать только одни недостатки — тѣ, которыхъ изблчченіе можетъ служить урокомъ въ истинѣ, или защитою противъ заблужденій. Съ помощію анализа она особенно отличаетъ ошибки или невѣрное направленіе вкуса, бывшія плодомъ вѣка—и не караетъ безпощадно писателей, честно служившихъ искусству въ духѣ своего времени, за то, что они не предупредили хода судьбы и

не дѣйствовали по идеямъ, которыхъ не было. Она каждому воздаетъ по заслугамъ — относительному достоинству свое, безусловному свое и не забываетъ, что если потомство умнѣе прошедшаго, которое оно судить, то въ свою очередь оно будетъ имѣть также потомство, и горе тѣмъ, кои не умѣли сдѣлать всего и не умѣли прощать той же вины другимъ!...

А произведенія нелѣпыя, которыя всѣ, отъ начала до конца, не иное что, какъ заблужденія тѣснаго ума, не понявшаго самаго себя, или незрѣлой юности, отвергшей умственный трудъ и благіе совѣты ученія во дни, имъ благопоспѣшныя, и прильгнувшей къ празднословію? О такихъ произведеніяхъ обыкновенно говорятъ, что они ниже всякой критики. Жаль только, что эти слова болѣею частію приводятся въ концѣ длинныхъ критическихъ разборовъ, послѣ того, какъ авторы ихъ истощили огромный запасъ остроумія, кидая стрѣлы его по воздуху, такъ, для забавы, а не для того, чтобы попасть въ какую нибудь цѣль: ибо какая тутъ можетъ быть цѣль? Словами этими надобно было бы начать и кончить разборъ. Что ниже всякой критики, то безъ сомнѣнія недостойно художественной; стыдно было бы

ей поднимать съ земли всякіе камни и щепы, забавляться, играя въ нихъ какъ дѣти въ мячъ, дразня бѣдняковъ, уронившихъ ихъ съ убогаго воза, въ которомъ они ѣдутъ на свой Парнасъ и смѣша^{въ} толпу проходящихъ. Что написано не по идеѣ истины и красоты, то не можетъ быть и судимо ихъ судомъ.

Но критикъ художественной предстоить, по видимому, весьма важное затрудненіе: откуда возьметъ она основныя понятія искусства? Примиритъ ли она разнорѣчіе толки объ изящномъ, и въ состояніи ли сама избрать вѣрный путь въ этой нестройной борьбѣ мнѣній и вкусовъ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ слишкомъ далеко повело бы насъ, Мм. Г., и оно не принадлежитъ къ существу настоящаго моего слова. Вотъ что однако жъ осмѣливаюсь представить на вашъ судъ: когда Греки отдѣляли идею красоты отъ всѣхъ прочихъ идей жизни, чтобы дать ей посреди себя самостоятельное развитіе, они этимъ однимъ уже оказали величайшую услугу искусству и человечеству, и мы знаемъ, какой степени художественнаго совершенства достигъ ихъ гений. Какое бы понятіе люди ни составляли себѣ объ этой идеѣ, важно то, что она, а не другая какалъ нибудь, стала

предметомъ и конечною цѣлію искусства. О существовѣ истиннаго также много спорили и спорятъ, однако жъ оно не перестаетъ быть цѣлію нашихъ умственныхъ изслѣдованій, основаніемъ науки, и стремленіе къ нему есть одно изъ прекраснѣйшихъ побужденій человеческого духа само по себѣ, и одно изъ благотворнѣйшихъ по своимъ слѣдствіямъ. Въкъ, школа могутъ измѣнить до известной степени взглядъ людей на сущность изящнаго; но пока оно не перестанетъ воодушевлять избранныхъ, пока эти избранные будутъ возбуждать сочувствіе къ ней въ сердцахъ поколѣнія — будьте увѣрены, Мм. Г., что эти сердца не такъ скоро задохнутся отъ тѣсноты житейскаго эгоизма, какъ другія. Между тѣмъ, чѣмъ тѣнѣе вражда наша въ идею изящнаго, чѣмъ болѣе очищается она въ душѣ отъ всего ей несроднаго, тѣмъ опредѣленнѣе и достойнѣе ея становятся наши о ней понятія. Критика искусства безъ теоріи его не можетъ существовать: но не бойтесь за чистоту этой теоріи — истинная критика найдетъ ее въ опытѣ ея въковъ и разумѣ, а не въ предубѣжденіяхъ страстей и личнаго вкуса.

Обратиться ли намъ, Мм. Г., съ примѣненіями развитыхъ мною понятій къ нашей литературной

критикъ? Отъ всего сердца желали бы мы ей славы — быть критикою вполне художественною. Но, можетъ быть, для этого не приспѣло еще время? Можетъ быть, при легкости образования, съ какимъ у насъ обыкновенно поступаютъ въ ряды литераторовъ и слѣд. критиковъ, было бы трудно выполнить всѣ строгія условія, возводящія критику на степень, достойную ея высокаго назначенія? На всякой ступени жизни однако жъ есть обязанности, также какъ есть заслуга и слава, сопровождающая заслугу. Мнѣ кажется, что нынѣшній періодъ нашего образования возлагаетъ на критику больше ответственности, чѣмъ всякой другой. Литература наша юна, но она исполнена тревоги разцвѣтающихъ силъ и энергій; вкусъ общественный еще не установился, но онъ требуетъ искусства, онъ его узаконилъ уже для народной жизни. Не обязана ли критика направлять объ эти силы, одну — умеряя ея шаткіе порывы, пробуждая въ ней стремленіе къ труду, къ мысли, къ истинѣ, простотѣ, ко всему, что даетъ литературѣ твердыя основанія и изящный характеръ; другую возводя мало по малу на степень вкуса здраваго, вѣрнаго, мѣткого, свѣтлаго, какъ Русскій умъ, и въ тожь время возвышеннаго, какъ жребій

Русской державы? Все, что она выполнить для этихъ цѣлей, будетъ дѣломъ основнымъ, значительнымъ, полнымъ будущности. Какое жъ назначеніе благороднѣе, достославнѣе этого? Въ другихъ образованностяхъ критика сама направляется и литературой, болѣе зрѣлой, и общественнымъ мнѣніемъ, болѣе ознакомленнымъ съ прелестями и тайнами искусства — у насъ вполне ей принадлежить слава быть руководительницей другихъ. Но вѣдь она сама юна — возраить мнѣ. — Чтожь? мы и не потребовали бы отъ нея ни полнаго анализа, ни полной теоріи литературы — мы желали бы ей на первый случай: больше любви къ искусству, и больше уваженія къ самой себѣ! —

А. НИКИТЕНКО.